

И Коменский, и другие деятели братской церкви не раз обсуждали этот вопрос и на своих синодах, и в полемических сочинениях. Говоря о своем отношении к современным пророкам вообще, Коменский заявлял, что видения чаще всего являются вымыслом человеческого мозга или даже «сатанинским наваждением». Однако в пророчествах собственных сторонников и сподвижников Коменский черпал поддержку в борьбе с Габсбургами и контрреформацией, поэтому он верил, что призывы, угрозы и предсказания Драбика — это «глас божий», поэтому он защищал ясновидцев в «Истории видений» («*Historia revelationum*», 1659 г.) и склонялся к мнению, что бог продолжает одарять людей способностью пророчествовать. Коменский ссылаясь при этом на «Видение Бригитты» и другие средневековые памятники, веря в их богодухновенность.

В XVII в. контрреформация использовала мистику против рационализма, пришедшего с Ренессансом и гуманизмом. На чешском «олимпе» усилиями иезуитов были утверждены новые святые — Ян Непомуцкий и Иван Хорватский. Но мистика использовалась и евангелистами — против католицизма. Человек, объявлявший себя пророком, становился как бы близким богу, его устами говорил бог. И когда Коттер и Драбик, Мелиш и Понятовская провозглашали, что бог повелевает уничтожить папство и Габсбургов — реакционнейшие силы тогдашней Европы, когда в их пророчествах проповедовалось социальное равенство — это было прогрессивно.

Братские «пророки» в видениях своих не раз упоминали о России. Драбик, например, только в 1655 г. дважды заявлял, что «москвиты» вместе со Швецией помогут «божьему делу». Аналогичные высказывания повторяются и позднее. Были они и у других чешских ясновидцев.

Чтобы понять, почему «чешские братья» в борьбе с Империей и Римом рассчитывали, в частности, на помощь России, следует, во-первых, обратиться к политической истории Европы в XVII в.; во-вторых, нужно рассмотреть вопрос об идее славянского единства, вернее о том виде, который приняла эта идея у деятелей братской церкви; в-третьих, наконец, необходимо помнить, что «чешские братья» были лишь частью влиятельнейшей политической силы — общеевропейской Реформации и что планы их во многом были сходны с планами других реформационных течений.

Россия, как известно, не принимала непосредственного участия в Тридцатилетней войне. Однако поскольку первая половина XVII в. была временем ожесточенной борьбы Московского государства против агрессивных притязаний Польши и поскольку Польша была союзницей Габсбургов, постольку русско-польские столкновения можно рассматривать как эпизоды той сложной и долгой войны, которая получила название Тридцатилетней и в ходе которой окончательно решилась судьба Чехии.²⁰

Накануне чешского феодального восстания и в самом начале его Россия заключила мирные договоры как со Швецией (Столбовский мир 1617 г.), так и с Польшей (Деулинское перемирие 1618 г.). Однако это вовсе не означало, что московское правительство примирилось с территориальными потерями. Особенно напряженными оставались отношения с Польшей. На протяжении XVII в. Россия не раз вела длительные войны с Польшей, поэтому, естественно, ее союза искали все противники поля-

²⁰ Ср.: О. Л. Вайнштейн. Россия и Тридцатилетняя война. М., 1947, стр. 9 [«Россия в Тридцатилетней войне занимала особое положение, определявшееся не страхом перед агрессивней и миродержавными планами Габсбургов (хотя русская дипломатия достаточно широко пользовалась антигабсбургской аргументацией), а ее многовековым конфликтом с Польшей»]; см. также: Б. Ф. Поршнев. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну. — Исторический журнал, М., 1945, № 3.